

Таша
Калинина

Чертюва
девка

Таша Калинина Чертова девка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71984038

SelfPub; 2025

Аннотация

У них должно было быть целое лето и целая жизнь в запасе, но остались лишь воспоминания о двух неделях в мае и о первой грозе...

Таша Калинина

Чертова девка

Чертова девка

Мне никогда не было по пути, но каждый раз, возвращаясь в этот город, я обязательно проходил мимо вылинявшей с годами пятиэтажки на перекрестке ставших чужими улиц. Как дурак тащился за три километра, ведомый смешной надеждой – а вдруг увижу свет в окне на втором этаже? Вдруг увижу и вспомню. Имя, лицо, серебристый смех, упругие косички, пышными бантами, венчавшие угловатые плечи. Будто я когда-то забывал. Будто можно забыть...

***

В последнюю неделю апреля стояла жара. Совершенно нетипичная для нашего затерянного в лесах городка. Птицы голосили как сумасшедшие и на своих стремительных крыльях приносили короткие дожди, а следом – радуги и тяжелое, густое дыхание влажной земли. И счастье, конечно. Простое и понятное. Настоящее. Каким оно и бывает у человека, которому под занавес зимы стукнуло тринадцать лет.

Солидный возраст: тебе уже доверяют ходить за хлебом и молоком, не опасаясь, что по дороге от магазина ты сгрызешь душистую корочку, обнажив беззащитный мякиш, который тут же напитается уличными запахами. Хотя в апреле, когда со всех сторон брызнула солнечная зелень и даже черемуха вот-вот распахнется в дурманящем танце, так даже вкуснее.

Так вот, хлеб. В тот день одинокая – без брикета масла или хотя бы молока в бутылке – буханка в вытянутой авоське, ручку которой я намотал на запястье, раскачивалась в такт моим шагам и неприятно шлепала по правой ноге. А я все думал, что со стороны это, должно быть, выглядит по-идиотски. Надо было делегировать поход за хлебом Севке – в десять лет гулять с авоськами еще не так позорно. Но что сделано, то сделано. Осталось-то пройти пару кварталов – и дом. Если срезать через соседний двор, получится еще быстрее. Знать бы, эх...

– Анька! Куда тебя опять поволокло, чертова девка!

Сперва я увидел грузную горластую женщину в ляпистом халате на балконе второго этажа. Ее грубоватый голос рассыпался на звонкие буквы, горошинами тревоги поскакав по выщербленному асфальту, кривоватой железной горке и закатился в траву, которая уже подкралась зелеными заплатками к пустующей песочнице.

– Ба, да я тут, с девочками! – прозвенело в ответ.

Я обернулся и...

Чертова девка. Банты эти дурацкие скачут по плечам, ко-

гда она взлетает над землей под тонкий свист скакалки. В сердце шевельнулся какой-то осколок, будто от апрельского солнца откололся кусок и на сумасшедшей скорости врезался в грудь. В глазах защипало. Мир расплывался, отступал в прохладную тень пятиэтажки, приглушая звуки и девчачье щебетание – я слышал только сухой перещелк сандалий, когда Анькины ноги касались тротуара, отталкиваясь для нового прыжка.

Откуда она взялась? Недавно переехала? Да вряд ли, вон сколько подружек вокруг, сбились в стайку и вслух считают прыжки. Наверное, соревнуются, кто дольше продержится со скакалкой. Но если Анька давно здесь живет, почему я никогда ее не видел? “Да потому что ты, дурак, за хлебом ходишь другим маршрутом, – мелькнуло в голове. – А может, зима была, шарфы эти до носа, шапки – не разглядишь ведь”.

– Девяносто шесть. Девяносто семь. Девяносто восемь. Девяносто девять. Сто! – завопили девчонки, когда Анька, упруго приземлившись, торжественно вскинула тонкие руки вверх. Победительница.

Она не была красивой. Ноги-спички с острыми коленками, щедро украшенными зеленкой. Простенький голубой сарафанчик на бретелях, никаких оборочек-бантиков. Единственное украшение – смешная вязаная сумочка через пле-

что, такая крохотная, что в ней разве что зеркальце поместится. Или ключ от квартиры. Вместе – никак. Медного оттенка волосы, туго собранные в косички, все равно пушились, рвались на свободу и вспыхивали осенним костром в лучах солнца. Еще я успел разглядеть маленький, чуть вздернутый нос, улыбочивые розовые губы, а глаза...

– Чего уставился? – пробасила какая-то девчонка и противно хихикнула. – Влюбился?

– Дура! В тебя, что ли? – огрызнулся я и вдруг понял, что действительно стою тут невесть сколько времени со своей авоськой и выгляжу, мягко говоря, странно.

Эта секундная перепалка привлекла внимание Аньки. Она, окруженная подружками, которые, видимо, тоже тянулись к ее теплomu сиянию, словно глупые мотыльки на огонь, заинтересованно оглянулась и посмотрела прямо на меня. Ноги будто вросли в асфальт. Я вытянулся, замер, не в силах сделать шаг. Жилка под коленкой нервно трепетала. Анька отвела глаза, снова окунувшись в бессмысленное девчачье щебетание, а я побрел в сторону своего дома, задумчиво разглядывая трещины на асфальте.

Зеленые. Глаза у нее зеленые. С золотыми крапинками внутри. Чертова девка.

***

– Маам, а за хлебом не надо?

В нашем доме хлеб не особо жаловали – буханки хватало

на два, а то и на три дня. Мама вечно на диете, мы с братом ели хлеб только с супом, а отец – в охотку. Последняя принесенная мной буханка все не кончалась и не кончалась, а я отчаянно искал повод снова пройти через тот двор и увидеть Аньку.

Было так странно – не видеть ее вот уже третий день. Сперва я был уверен, что замечу медного цвета косички в школьных коридорах – не может же Анька не ходить в школу? Но ни в параллели, ни в младших классах не нашел ее. Тогда я решил, что можно и после уроков заглянуть в тот двор. Это, конечно, совсем не по пути – школа в другой стороне, но какая разница. Ничего не вышло: днем пятиэтажка словно погружалась в летаргический сон – никто никого не звал с балкона, в распахнутых кое-где окнах лениво пузырился тюль, напиткивая невидимые глазу комнаты черемуховым духом, а на лавочках у подъездов истуканами сидели несколько бабулек, пристально разглядывая редких прохожих.

– А где все ребя... – начал было я, поравнявшись с одним из таких наблюдательных пунктов. И тут же осекся, наткнувшись на цепкий изучающий взгляд.

– Ты кто такой будешь? – прошелестела бабка, укутанная в неопределенного цвета пальто. В такую-то жару! – Не местный, ходишь тут, высматриваешь. Чего удумал? Нечего тебе тут шастать. Ну-ка брысь отсюда!

Я пожал плечами и уныло поплелся прочь, в голове прикидывая, что дело все, видимо, во времени – в прошлый раз, когда я увидел Аньку, было почти пять часов вечера, зловредные бабульки расползлись по домам, уступив двор юному и шумному веселью. Значит, нужно прийти позже.

– Маам, ну так что там с хлебом-то? – крикнул я из комнаты в сторону кухни, где шкворчала сковорода и по квартире уже поплыл аромат маминых котлет.

Я посматривал на часы – большая стрелка перескочила цифру семь, а маленькая постепенно двигалась к пятерке. Воображение рисовало, как Анька, окруженная стайкой девочке, раскручивает скакалку, готовая взлететь над прогретым солнцем асфальтом. Мысленно я уже был там, кружил вокруг теплым ветерком, но все равно не смел прикоснуться. Разве можно прикоснуться к райской птице, рожденной из радуг, и не разрушить волшебство?

– Леш, Леша, – в дверях комнаты стояла мама, уперев руки в бока и недоуменно глядя на меня, – ты меня вообще слышал? Зову, зову – ноль эмоций.

– Ой, мам, я задумался, наверное. Прости.

– Интересно, о чем это можно так задуматься? В школе все в порядке? С Димкой не поссорились?

Димка – это мой лучший друг. И мы правда немного по-

вздорили, потому что он целый день приставал ко мне с расспросами, что со мной случилось и почему я какой-то другой. Не мог же я ему рассказать про Аньку. Нет, Димка бы не стал смеяться, он не из тех дураков, что орут во всю глотку обидное “тили-тили тесто, жених и невеста”, но все равно бы не понял. У него, у Димки, большие планы на нашу дружбу: мы все должны делать вместе – и контрольные по геометрии, и книги одинаковые читать, чтобы можно было потом обсудить, и после школы вместе поступить в техникум или даже в институт. И вдруг случилась Анька. Чертова девка. Не раньше, не позже, а ровно в тот момент, когда мы с Димкой должны были наконец определиться, кем все-таки стать – милиционерами, строителями или рискнуть и податься в космонавты. Очень серьезный выбор. И друг мой – очень серьезный человек, который не допускает даже мысли о спонтанности. Поэтому я, конечно, сильно его подвел.

– Ты заболел, Лешка? – допытывался друг всю перемену между алгеброй и литературой. – Ты как-то странно выглядишь. Будто ворон считаешь. Температуры у тебя нет? – Димка тыльной стороной ладони дотронулся до моего лба.

– Да отстань ты! Ничего я не заболел. И ничего не считаю. Настроения просто нет.

– С Севкой поругался? Или родители наказали? Что ты натворил-то?

– Да ничего я не натворил, просто...

– Ну мне-то можешь сказать. Знаешь ведь, я – никому.

Пытать будут – не скажу.

“Димка-Димка, наивный ты человек, – подумал я и вздохнул. – Для меня пытка – это сказать хоть кому-нибудь, даже вслух произнести это имя – пытка”.

И конечно, я ничего не сказал. Димка обиделся. Так сильно, как никогда еще не обижался. Но с мамой я тоже не мог поделиться этой бедой. Потому что тогда пришлось бы поделиться и радостью. А я очень хотел, чтобы Анька и ее подпрыгивающие на плечах банты, и всполохи рыжего солнца в ее волосах, и золотистые крапинки в зеленых заводях глаз оставались только моей тайной.

– Ну так что, – мамин голос выдернул меня из облаков, в которых тонула моя бедная голова, – за молоком-то сбегаешь? Хлеба хватит, а вот молоко закончилось. Не передумал еще прогуляться?

Наверное, я просиял как начищенный пятак, потому что мама с подозрением глянула на меня и уточнила: “Точно все в порядке? Не врешь?” Все было даже лучше, чем в порядке – у меня появился законный повод пройти через Анькин двор, и пусть только какая-нибудь бабулька попробует шикнуть. Я вообще-то молоко домой несу.

В тот вечер Аньки не было. По памяти глазами я отыскал балкон, с которого ее звала бабушка. Окно было приоткрыто, но выглядело каким-то безжизненным: слабо колыхалась желтая в белых разводах штора, из комнаты на улицу лилась

мрачная тишина. Как предчувствие большой беды. Как обещание того, что мое сердце разбито. А вдруг она уехала, исчезла, испарилась также внезапно, как появилась в нашем городе?

***

Апрель уходил. Двадцать восьмое. Двадцать девятое. Тридцатое. Я уже два раза сходил в магазин – за молоком и снова за хлебом – и не встретил Аньку. Вечерами в том дворе гуляли дети: девчонки играли в классики, песочницу облепила шумная малышня, даже бабульки выбрались на лавочки – сидели с недовольными лицами, шамкали бесцветными, стянутыми в нитку губами, покачивая головами вслед каждому, кто проходил мимо. Двор жил обычной весенней жизнью, и лишь в моем гулко бухающем сердце – “А вдруг сейчас?” – разливалась холодная и вязкая пустота. Будто всю радость выкачали. Хотя что мне эта Анька? Ну девчонка и девчонка – вон их сколько, и с косичками, и с распущенными волосами, и высокие, и маленькие. Красивые даже есть. Только Анька не была красивой – она была совершенной. Словно с другой планеты, где растут дивные цветы, колышутся зеленым морем высокие травы, а на небе несколько лун и солнц, и все совсем другое. Вечерами, забираясь под одеяло, я подолгу лежал на спине и смотрел в окно – с кровати как раз был виден кусок неба, где появлялась первая

звезда. Крохотная, с песчинку – нужно было хорошенько присмотреться, чтобы ее разглядеть, но как только увидишь, звезда уже не отпускает твой взгляд, светится, переливается из белого в фиолетовый и обратно. Мне нравилось фантазировать, что прямо сейчас на эту же звезду смотрят зеленые с золотистыми крапинками глаза, и если так – значит, мы с Анькой соединены звездной ниточкой. И если звезды не умирают, сияют вечно, то и мы вместе навсегда, даже если никогда больше не встретимся. Я тогда еще не знал, что та звезда, возможно, была лишь отголоском, долетающим сквозь толщи световых лет сиянием, эхом закончившейся звездной жизни. Я не знал тогда, что ничего вечного на свете нет. В детстве мы часто верим в “навсегда”. Вот и я верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.